

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ. ТАЙНА ЖИЗНИ, ТАЙНА КАРТИНЫ

В своих коллекционерских разысканиях мне однажды повезло найти удивительное письмо знаменитого русского художника Александра Андреевича Иванова (1806–1858). Оно с довоенных времен хранилось в семье одного из весьма славных в прошлом и донине чтимых московских антикваров, букинистов и коллекционеров, Алексея Григорьевича Миронова, скончавшегося в 1964 году. Среди прочего, у Миронова было и собрание автографов, некогда украшенное собственноручными документами Тургенева, Гоголя и других известных миру персон.

Письмо никогда не было опубликовано полностью в его настоящем виде и никогда не служило предметом анализа ученых исследователей¹.

Обретение и введение в подлинно научный оборот настоящего оригинального письма Иванова – редкое и отрадное событие, позволяющее восполнить существенную лауну, возникшую в связи с невозможностью обнаружить его черновик, некогда опубликованный Новицким. Теперь мы можем не только впервые прочесть это важное письмо от первой до последней буквы, но и сослаться, наконец, на оригинал.

В этой связи первойшей моей задачей как публикатора стало определение времени отправки письма (оно не датировано ни автором, ни публикаторами черновика) и его адресата.

Но этим ограничиться я не мог, поскольку в письме содержатся сюжеты, отбрасывающие долгую тень на историю всей жизни и творчества художника. А значит, дающие дополнительные поводы для раздумий над гигантским и прославленным результатом его труда, над неразрывной целокупностью его творения и бытия. Размышляя над этими сюжетами, мы способны, как мне кажется, заново оценить перипетии непростого подвижнического пути Иванова. Прижизненная и посмертная репутация его самого и его главной картины обретают новые важные и красочные штрихи.

Итак, прежде всего – сам документ.

ДОКУМЕНТ²

Друг мой Петр!

Князь Трубецкой³ едет курьером в Петербург с известием о выборе папы⁴. Радуюсь случаю послать к тебе письмо безденежно. Расскажу тебе теперь кое-что секретное на пр[имер] внутреннее состояние художников русских здесь, что для тебя должно быть интересно и ежели не теперь то в последствии.

Между тем как вместе с сим узнаешь и мое настоящее положение, чего в почтовых письмах отсюда усумнился бы сказать⁵. Деньги и самолюбие неограниченное есть как бы общие их идолы однакож не всех. Карл Брюлло⁶ сыскал величайшие милости посланника⁷ подлостью, дарованиями и пронизательным расчетливым умом, готов убить родителей своих еслиб они ему воспрепятствовали в честолюбивых его намерениях. Это масонское правило⁸ меня устрашает. Князь заступает за его во всех случаях, не разбирая, не входя в справедливость дела. Его мнение есть закон (в художеств. смысле) и если я что либо сделаю, то он же будет судить. Можешь себе представить, какого я приговора жду от раздраженного моим приездом соперника. Между тем рекомендация князя в Петербурге много значит, хотя это вовсе не справедливо в строгом смысле; разсуди сам: должен ли или может ли министр быть судьей художника? Карл Брюлло является нам всем русским пенсионерам как бы каким-то властелином, и судит и рядит обо всем решительно самым резким образом. Ефимов⁹, обруганный в глаза им по приезде своем, держит усердно его сторону, оправдывает его злодейские поступки. (Знаешь ли, он недавно при мне сделался причиной смерти одной молодой вдовы. Она бросилась в отчаянии, огорченная его поступками, в Тибр¹⁰). Но довольно. Еслиб ты послушал разговор Брюлло, ты подумал бы, что он не основателен. Напротив, у него все относится к его цели, т. е. быть над всеми властелином. И отбить охоту у всех работать. Это мне кажется горче его жизни беспорядочной, ибо портит участь многих. Мне рассказывал г-н Гофман¹¹, пенсионер Императора нашего, вот что: в мастерской Брюлло назначена была выставка всех русских пенсионеров, к сему времени он (Гофман) кончил свою картину, сюжет любовный из Данта, которую ты, я думаю, видел, ибо она в Петербурге. Что ж ты думаешь Карл делает? Он говорит посланнику, что она делает срам русским, тот верит, и Гофману отказано; срезанный этим случаем отчаянный Гофман в сей день хотел убить Брюлло. Уже все было готово, но Карла всю ночь не было дома. Гофман не может вспомнить без глубочайшего прискорбия сего случая: он мне рассказывал его со слезами. Разсмотрим дело Маркова¹². Брюлло как товарищ знал его слабую сторону. И вот что говорит ему раз за столом спустя несколько времени по приезде. Послушай, Марков, я тебе скажу откровенно, ведь ты совсем способностей не имеешь, а без способностей что можно сделать в нашем искусстве, брось живопись и займись другим чем. Речь его имела успех. Оскорбленный в крайней степени Марков, лишь только вышел на улицу, как, разбежавшись, что было в нем силы ударился головою об угол дома и расшибся в кровь. Вскоре Гофман и Брюни не дали ему лишиться себя жизни. Дали знать посланнику, и Маркова посадили в дом сумасшедших, все сие вместе в самом деле расстроило умственную систему Маркова, и все сие прикрыто доселе, что он из любовных дел помешался¹³.

Брюни¹⁴ сверх моего чаяния я нахожу человеком добрым, но он так откровенен, что с ним почти нельзя говорить о чем либо по важнее, ибо он по доброте своей и часто в горячах в спорах тотчас перескажет другому.

Засен¹⁵ и живет с Брюлло и всегда одной с ним партии. Считает себя за политика и ученого. Добродетель его та только, что он ни во что не вязнет по своей воле. К подвигам Брюлло еще прибавляют и то, что он шпион у князя.

Соболевский и Карчевский¹⁶ суть своекошные пенсионеры и, следовательно, между нами нейтральные. Они добрые люди, первой собирается ехать в Петербург весьма не надолго. Когда он там будет, постарайся с ним познакомиться, может быть еще узнаешь какую либо ужасную новость.

И так вот тебе описание круга, в котором и друг твой теперь находится. Признаюсь тебе, я в Риме, и мне тошна здешняя жизнь, ибо не прошло дня без какой либо неприятности с кем нибудь из нас. Мысль возвратиться в Отечество прежде времени часто меня навещает, и ежели получу известие от любезнейшего моего дому, что нужен на лицо, то право безропотно возвращусь. Друг твой Александр.

1 сторона обрезанной половины страницы:

Пошли скорее мне по почте письмо, если нужно секретно от моих родителей, как то мы когда-то говорили. Опиши мне их состояние, особенно если есть какие перемены после меня, опиши все, что было после моего отъезда. Нечувствует тот настоящей любви к родителям, кто не был никогда в разлуке.

Как ты думаешь, если показать это письмо секретно Григоровичу (=) вместо всех тех откровенностей, какие требует от меня общество, то каково оно будет¹⁷? Если ты утвердишь мою мысль своим советом, о чем подумай построже, то я отпишу ему об сем письмо, а он от тебя его получит.

Бога ради не жалею моих денег на письма, ибо они мне составляют утешение в настоящем моем положении. Скажи, получил ли ты деньги от батюшки моего¹⁸ на оные, я просил из Вены, чтоб тебе дали 90 рубл[ей]. Как ты нынче живешь с Васильченкой, скажи откровенно, и если он с тобой поссорился после усердной моей просьбы никогда не делать сего, то естли тебе угодно, я перестану быть к нему расположенным. Если же у вас мир, то прочитай ему сие письмо, оторвав эту записочку, да и то если найдешь нужным. Остаюсь с совершенной к тебе доверенностью и утешительною преданностью. Друг твой Александр. Прочитай это письмо батюшке, если сам рассудишь, но так чтобы никто не знал об нем более, ибо оно может разстроить покой.

(=) Не буду ли я казаться шпионом? Подумай, я чувствую надобность сблизиться потеснее с сим человеком и в тоже время боюсь уронить честь собственную.

2 сторона обрезанной половины страницы:

Возьми на себя труд раздать письма (II), ибо некому более заступить мое место в нашем доме. Прошу оторвать скоро эту бумажку от письма, чтобы никто ее не заметил.

Скажи мне что-нибудь о сестре моей. Как я робею, чтобы Сухих¹⁹ не переехал в наш дом. Это будет пагуба для ее чести, я тебе никогда еще об этом не говорил, но теперь прошу наблюдать за этим. Скажи мне, как ты ныне в нашем доме. Бога ради прошу тебя не обижаться если выйдет какая нибудь тебе неприятность. Ибо я знаю, что ты в то время готов будешь оставить дом наш. Но скажи, что будет тогда с невинным братом моим²⁰? Что будет со мною, когда не буду получить верных известий о доме своем?

Радуюсь, что написал тебе сие письмо. По крайней мере по нем ты будешь лучше понимать темные места будущих моих писем.

Желаю тебе здоровья и счастья, а паче всего благоразумия. Друг твой Александр

(II) Когда относить будешь к Орловскому²¹, то постарайся с ним познакомиться. Он может быть тебе иногда полезен. Я много ему обязан знакомством в Риме.

* * *

Прежде, чем приступить к анализу текста, должен ознакомить читателя с источниками и системой аббревиатур и сокращений.

Список сокращений и литература:

АХ – Академия художеств.

Алпатов – Алпатов М. В. Александр Андреевич Иванов. М., Искусство, 1966. Тт. 1–2.

Анисов – Анисов Лев. Иванов. – М., Молодая гвардия, 2004.

Аскарянц А. В., Машковцев Н. Г. Архив А. А. и С. А. Ивановых. Записки Отдела рукописей. М., Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1958. Вып. 20.

Ацаркина – Ацаркина Э. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. М., Искусство, 1963.

Боткин – Боткин М. Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880.

Виноградов – Виноградов И. А., сост. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001.

ГБЛ – Государственная библиотека имени В. И. Ленина, ныне РГБ.

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея.

Зотов — Зотов А. И. А. А. Иванов. В кн.: Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. М., Искусство, 1954.

Машковцев — Машковцев Н. Г., сост. Карл Павлович Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1962.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

Новицкий — Новицкий А. П. Опыт полной биографии А. А. Иванова. М., 1895.

ОПХ — Общество поощрения художников.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

ОР ГТГ — отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Письма — Письма А. И. Иванова к сыну // Русский художественный архив. М., 1892/1893.

Отчеты Румянцевского музея 1879–1882 гг.

РГБ — Российская Государственная библиотека.

РМ — Румянцевский музей.

Когда и кому написано письмо?

«...Некому более заступить мое место в нашем доме».

Александр Иванов

И. А. Виноградов, не объясняя, датирует черновик письма приблизительно: «Начало 1830-х гг.»²². Попробую уточнить это расплывчатое представление.

Судить о весьма раннем происхождении письма, действительно, можно уже в первом приближении, благодаря известным переменам в настроении самого художника. В самом начале пребывания в Риме Иванова томила ностальгия: «Я иногда клянусь тот день, в который выехал за границу», — отписывал он своим петербургским конфидентам²³. (Ср. строки из письма: «Признаюсь тебе, я в Риме, и мне тошна здешняя жизнь...» и т. д. вплоть до обещания «и ежели получу известие от любезнейшего моего дому, что нужен на лицо, то право безропотно возвращусь».) Но это настроение весьма быстро прошло, и когда родители, поверив в его тоску по дому, предложили-таки сыну вернуться, Александр рассердился на них, да так, что в ответ батюшка отозвался в недоумении: «Не твое сердце, не твои чувства излились в сих словах». Тут он явно ошибся, ибо Иванов задержался за границей на долгие 27 лет, и никто из родных не дождался и не увидел его в России (вернувшись, художник даже родительских могил уже не смог отыскать). По прошествии всего трех лет Иванов окончательно укрепился в решимости не возвращаться: «Мысль о возврате на родину вышибает у меня и палитру, и кисти, и всю охоту что-либо сделать порядочное по искусству»²⁴. А к 1837 году созрел и до того, что в разгар холерной эпидемии написал отцу на полном серьезе: «О, Рим, в недрах твоих прелестей и умереть приятно!»²⁵.

Сказанное позволяет предположительно датировать письмо, где он пишет о готовности вернуться по первому зову отца, первым годом его пребывания в Риме.

Отталкиваясь от скупого замечания по поводу человека с фамилией Сухих, можно дополнительно мотивировать предположение о раннем происхождении письма. Дело в том, что старшая сестра художника Екатерина Андреевна вышла замуж за художника Андрея Акимовича Сухих, которому родила четверых детей. Сухих учился в АХ с 1808 по 1821 гг., в 1820 г. был награжден золотыми часами за картину, поднесенную императрице Елизавете Алексеевне и переданную затем училищу женского патриотического общества, а в 1830 г. получил звание академика и в дальнейшем успешно работал, в том числе вместе с Ивановым-отцом, своим тестем. Со временем Ивановы перестали общаться с Сухих. Екатерина Андреевна в 1835 году вначале отказала мужу в супружеской близости, потом разошлась с ним и впоследствии уехала жить в Севастополь с И. Ф. Моисеенко. Но до этого явно было еще очень далеко²⁶.

Какого же бесчестья мог ждать для сестры Александр Иванов от переезда в отчий дом столь близких родственников, сестры и зятя?

Черновик письма Иванова начала 1831 года тому же Измайлову, оставшийся в большой записной тетради, раскрывает причину беспокойства автора, который писал о Сухих: «Истлвши счастливую блаженную свою женидбу непомерными чувственными наслаждениями, обнаружил свое намерение обесчестить вторую мою сестру [Марию] за три года перед моим отъездом, дело истинно-ужасное, стоит мести нескончаемой. Но разсудок велит скрывать <нрзб.> преступление, вечно быть бдительным в будущем и даже согласно с родственными узами быть ему по возможности полезным. Вот почему (Боже упаси от хвастовства) я был ему весьма полезен, как тебе известно к приобретению звания члена Академии... Он говорит, что я дурак, <нрзб.> горд и занят собою до крайности. – Вот благодарность. – В отмщение за сие я решился высказать тебе все это дабы ты друг мой узнав истинну мог бы заранее принять меры в обращении против сево опасного потому что он умен и хитр, от того что ты упавши в пропасть мог бы только разглядеть ужасные его замыслы»²⁷.

Данный черновой текст явно был написан в развитие публикуемого письма, а скорее всего – в ответ на вопросы адресата. Настоятельная необходимость объясниться с другом по поводу семейной тайны мучила Иванова. Но это объяснение ушло в адрес Измайлова в беловой, менее эмоциональной редакции. Оно содержится в уже упоминавшемся выше письме от июля 1831 года:

«И теперь хочу тебе сообщить нечто тайное, в знак моей всегдашней откровенности. За три года перед моим отъездом, зять мой Андрей Екимович упившись неумеренным употреблением брачного ложа, простер намерения свои до крайности – он покусился было обесчестить мою вторую сестру!! Такой ужас заставил нас немедленно сжить подлеца скорее из дому нашего. Вот почему он переехал от нас в Малую Морскую. Тогда я видя предстоящий неизбежный вечный раздор нашего и их дома, вошел в посредничество чтоб по крайней мере прикрыть все это мирным покрывалом от людей посторонних и вместе с тем доставить свободный вход в родительский дом невиной старшей сестре моей. – В чем и успел – Этим я рассказ не кончаю. Я должен тебе припомнить об моих услугах зятю к споспешествованию звания Академического, для того, чтоб сказать чем в это время платил он мне за оные: он разглашал что я и горд и глуп и дурак и слишком много думаю о себе. – Все сие Петр я тебе на тот конец сообщаю чтоб ты посещая наш дом понимал умного бездельника, и избегал бы невозможно с ним откровенных разговоров; ибо он завладевши слабою стороною твою, неприметно может ввести тебя в горькие нещастия»²⁸.

Итак, если данное письмо датировано июлем, то, следовательно, черновая запись в тетради создана еще раньше в ответ на письмо Измайлова, написанное, в свою очередь, в ответ на темное по смыслу замечание в письме друга. Пока письмо Иванова дошло до Измайлова, пока тот собрался ответить, пока его ответ оказался у художника, пока Иванов сочинил одно за другим цитированные выше варианты объяснения... Все эти соображения позволяют сдвигать предполагаемую дату написания публикуемого текста на весну 1831 года или на еще более ранний срок.

Кстати, в свете авторских разъяснений становится понятно, что Иванова заботила честь не старшей сестры, замужней Екатерины, а средней, самой любимой, незамужней пока еще Марии. Это важно отметить для последующих нюансов моего расследования.

Уточнить момент отправки письма позволяют сохранившиеся письма Иванова-старшего к сыну. Принято считать, что Иванова по повторном и окончательном приезде в Рим²⁹ в начале 1831 года уже ждало письмо с дурным известием об отставке его отца, состоявшейся в декабре 1830 года. Однако теперь ясно, что это вовсе не так. Обращение к другу по поводу родителей («Опиши мне... если есть какие перемены после меня, опиши все, что было после моего отъезда») заставляет усомниться в том. Если художник действительно уже все знал, то почему прямо не спросил о последствиях отставки, а интересовался, нет ли «перемен»? Приходится предполагать, что настоящее письмо могло быть написано через некоторое время по приезде, достаточное, чтобы проникнуться первыми впечатлениями и обстоятельствами жизни и быта русской колонии, однако до извещения Иванова о карьерном крахе батюшки.

Само это извещение сохранилось: это первое из писем отца сыну в Рим, оно датировано 18 января 1831 года. Когда оно могло быть получено?

В те времена письмо из Рима в Петербург (или наоборот) шло примерно от двух до трех недель. Так, в письме, датированном 26 августа 1831 года, отец уведомляет о получении письма сына от 3 августа. Другой пример: известие о землетрясении, отправленное из Неаполя 20 января 1831 г., было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» 11 февраля.

Можно предположить, следовательно, что январское письмо отца Иванов-младший получил около 10 февраля. А значит, исследуемый текст написан, скорее всего, до этой даты.

Однако все приведенные соображения носят приблизительный характер. Возможно, ими же руководствовался и Виноградов, датируя черновик началом 1830-х гг. Между тем, в письме, в отличие от черновика, есть прямое указание, позволяющее, наконец, ближе всего подойти к его верной датировке. Для этого надо лишь ответить на два вопроса: когда именно состоялось избрание папы римского и когда князь Трубецкой поехал с этим известием в Россию.

Тут места сомнениям меньше. Новый папа Григорий XVI был избран 2 февраля и интронизирован 6 февраля 1831 года; ранее первой даты письмо не могло быть ни написано, ни отправлено. Но как поставить вторую временную границу? Когда отбыл на родину из Рима князь-курьер? Ждал ли он торжественной интронизации, или поехал сразу? Конечно, в задачу курьера по определению входит скорее отбытие с известием, мешкать в таких случаях не принято. Счет мог идти на дни, не более того.

Официальное известие об избрании папы было опубликовано «Санкт-Петербургскими ведомостями» в № 37 от 13 февраля. Оно, следовательно, дошло из Рима до Петербурга всего лишь за 10–11 дней. С такой скоростью, вдвое быстрее обычной почты, его мог доставить только курьер. Был ли им упомянутый князь Трубецкой? Если да, то, конечно, у Иванова не могло быть много времени на сочинение письма.

Итак, резонно предположить, что письмо Иванова другу было написано 2–3 февраля 1831 года. Никакие обстоятельства, упомянутые в письме, не противоречат такому предположению. Позволительно думать поэтому, что перед нами одно из самых первых писем Иванова из Рима, если первым считать упомянутое Андреем Ивановичем в письме от 18 января известие от сына о прибытии на место в конце 1830 года.

Кому же было адресовано письмо?

* * *

У Иванова к концу жизни был уже очень широкий круг знакомств, однако, как неоднократно отмечалось всеми, даже к этому времени искренних, настоящих друзей в этом кругу не наблюдалось, не исключая и собственного младшего брата, которого он сумел оттолкнуть своей подозрительностью, мнительностью и другими чертами более чем сложного, тяжелого характера.

Но и в молодые годы Иванов не был легким для дружбы человеком. Изучивший его биографию М. В. Алпатов описывает будущую знаменитость так: «Характера он был вялого, отличался неповоротливостью и медлительностью, которая и позднее раздражала тех, кто имел с ним дело. В классах бросалась в глаза его неспособность быстро соображать, плохая память при заучивании наизусть, явная малоодаренность к словесным наукам»³⁰. По собственному признанию, он «часто бегал и дичился людей».

Однако в годы ученичества некоторые соученики по Академии художеств все же сблизилась с ним: Карл Рабус³¹, Петр Измайлов³², Матвей Васильченко³³, Павел Спарро³⁴, Константин Осокин³⁵, Николай Тверской³⁶, Федор Иордан³⁷, Николай Демерт³⁸. Других имен из ряда дружеских нам не известно. Искать адресат письма, по всей видимости, следует среди них. Тем более, что имя Васильченко прямо упомянуто в письме («как ты нынче живешь с Васильченко, скажи откровенно...»), притом в таком контексте, что становится ясно: адресат вынужденно делит с оным жилое помещение, т. е., скорее всего, связан с ним узами соученичества, но стоит к Иванову значительно ближе.

Взяв в соображение данное обстоятельство и сопоставив его с формулой Иванова-отца «друзья твои г. Измайлов, г. Васильченко и г. Спарро», можно предположить, что адресат, скорее всего, это действительно Измайлов, которого единственного из всех упомянутых звали Петром.

Что еще мы узнаем об этом человеке из письма? Видно, что это друг Иванова, входящий в семью. Притом друг ближайший и довереннейший: ему единственному он поручает и наблюдение за родителями, и судьбу «невинного» младшего брата, и даже заботу о чести сестры. А также передачу писем, в том числе конфиденциальных, петербургским адресатам, в том числе высокопоставленным, от расположения которых многое могло зависеть в судьбе как автора, так и его друга. И главное – сообщает ему такие сведения, которые нельзя было доверить почте, притом затрагивающие исключительно профессиональную сферу интересов русского художественного сообщества. Все сказанное убеждает нас: письмо писано сверстнику, однокашнику по Академии художеств, входящему в дом профессора Андрея Иванова и близкому со всей его семьей.

На эту роль я вижу лишь одного подходящего кандидата: это Петр Измайлов.

Этот юноша, двумя годами младше Иванова, по-видимому, был самым близким и задушевным товарищем художника. Вот с какими необыкновенными словами двадцатипятилетний Иванов обратился к нему, судя по сохранившемуся в самой первой итальянской записной книжке Иванова наброску письма:

«Петр! На правилах благоразумия наше дружество может быть прочно, без него все пропало! В настоящих моих обстоятельствах, я бы тебя уверил, что я променял бы всю Италию на тебя одного, что для меня ты – все; что без тебя – пропадаю. Что я тебе всего себя отдаю на полное распоряжение и что щаслив был бы и тогда если б завлечен был тобою в крайнюю нужду, в пороки. Так Петр; все сии чувства верные. Когда кроюткая чувствительность раздельно от разума застанет меня в досужем положении – и я плачу – плачу и требую твоего присутствия. Спрашиваю себя зачем отторгнулся от тебя, от родителей, от всего [нрзб.] и в слезах нахожу облегчение. . .

После сильных нежных чувствований и пустого отдыха воскресает суровой разум, он указывает на верную трудную тропу к пользе указывает мне и говорит ты на Пути. Первое твое ты должен просветиться, потом быть полезным отечеству и дому, другу твоему. . .»³⁹.

Как видим, степень близости Измайлова к Иванову такова, что заставляет вспомнить модные в восемнадцатом веке романы в письмах. В той же записной книжке – памятка самому себе: «Сказать родителям Измайлова, чтоб согласились отпустить его за границу» (как мы помним, это намерение было осуществлено). Неудивительно, что публикуемое письмо содержит столь откровенные, интимные признания.

Что в дальнейшем случилось с этим адресатом письма художника? Как развивались и чем закончились их отношения?

Иванову было не суждено сбросить свои юношеские привязанности. Как отмечал Алпатов: «Что касается академических товарищей, то Иванов поддерживал сношения с ними недолго. Первые письма его полны пламенных излиятий нежности и привязанности. . . Однако письма его остаются без ответа, и он начинает жаловаться на скорое забвение дружеских клятв и обетов верности до гроба. Между тем окольными путями в Рим доходят слухи о том, что один из друзей Иванова успел жениться и обзавестись семейством, другой устроился учителем рисования в каком-то привилегированном учебном заведении. После этого упоминания об академических друзьях Иванова в его письмах вовсе исчезают»⁴⁰.

Исчезают, в том числе, и упоминания об Измайлове. Когда? Об этом мы отчасти можем судить по переписке отца и сына Ивановых.

Фигура Петра Измайлова возникает уже в первом письме отца к сыну (январь 1831): здесь имярек упомянут в связи с поиском одного из эскизов. Вскоре, 5 марта, отец интересуется: «Я знаю, что г. Измайлов намеревался писать к тебе и кажется уже и отправил к тебе письмо свое; мне бы любопытно было узнать, что он к тебе писал на счет настоящих наших обстоятельств, о которых я тебя уведомил в письме моем от 19 [18] января». По всей видимости, к этому дню Измайлов еще не познакомил старшего Иванова с исследуемым письмом, поскольку тот пишет еще достаточно нейтрально: «Не знаю, каким нашел ты г. Брюллова в отношении к тебе и других русских художников, с коими по необходимости ты должен иметь связь, как по части художеств, так и других отношений, взаимных между вами, но осторожность всегда нужна, излишняя же доверчивость вредить может»⁴¹.

Настороженность, подозрительность опального профессора АХ вполне оправдана в свете произошедших с ним «обстоятельств». Однако, как вскоре станет ясно, эта черта характера и вообще была ему глубоко свойственна. Передавшись в усиленном виде сыну, она в высшей степени отяготила его характер и очень осложнила в дальнейшем жизнь. Он и сам осознавал это как фамильный «порок».

Между тем, Измайлов, надо полагать, вскоре исполнил просьбу Иванова-сына и ознакомил-таки его батюшку с содержанием нашего письма, ибо 6 апреля тот отписывал: «Что ты сказал насчет г. Брюлло, то я вижу, что он в тех краях будет то же, что у нас некоторые под начальством тобою упомянутого [Григоровича?] в сравнении с ним. Я на тебя надеюсь, что ты не подашь ему причины к худому с тобою поступку; с его же стороны много найдется причин вредить тебе, если он потерял благородство в поступках, что почти неизбежно бывает с людьми в подобных случаях»⁴².

Очевидно, о том, что Измайлов находился в постоянной корреспонденции с Ивановым-сыном, отцу было известно хорошо. Вот и 26 августа 1831 года он извещал, что «письмо... на имя Измайлова мы получили, за неизвестностью, где находится г. Измайлов, ибо он нас не уведомил о том, из речей же его мы могли знать, что ему оставаться пансионером при академии не хочется по некоторым неприятным для него случаям»⁴³. Что это за случаи? Отчасти об этом можно судить из того же письма:

«Любезный Александр, друзья твои г. Измайлов, Васильченко и г. Спарно (так!), не знаю, что тебе сказать о них, а только думаю, что они не могут чувствовать в полной мере того неоцененного чувства, которое ты им к себе внушить хочешь; все они находятся в обстоятельствах, не от них зависящих, малы, под надзором, а потому и соображают поступки свои с выходами тех, кои могут иметь, или имеют больше на них влияния, почему и советуя тебе не быть к ним столь откровенным, а особливо ежели ты и сам замечаешь из их писем к тебе неполную доверенность»⁴⁴.

Отец, полный родительского попечения, учит сына видеть в Брюллове потенциального врага, учит его не доверять друзьям, бросает тень на них как на возможных осведомителей, предателей... Обработка в данном направлении велась и в дальнейшем, к примеру, в 1839 году Иванов-старший пишет: «Считаю ненужным упоминать тебе о крайней осторожности, с какою ты вести себя должен насчет русских пансионеров в Риме; ты, кажется, и сам уже испытал то на опыте, а теперь берегись их и того более, зависть и злоба на что не могут покуситься! и тем опаснее, что это будет иметь вид дружбы»⁴⁵.

Увы, все эти уроки глубоко запали в сыновнюю душу, и без того излишне настороженную и пугливую. Семена болезненной мнительности и недоверия к людям упали на благодатную почву. По конкретному же поводу он отписал отцу так: «С Измайловым, Васильченко и Спарро я буду поступать согласно с Вашим наставлением»⁴⁶.

После 1831 года Петр Измайлов больше никогда не упоминался Ивановым-отцом в письмах к сыну. Сестра Мария в письмах брату перестала упоминать его друзей Васильченко и Измайлова после 1833 г. Связано ли это только с переездом Петра Ивановича в Царское село или имел место некий разрыв отношений? Характерно, что записная тетрадь самого Иванова, относящаяся к 1833–1839 гг., содержит черновики 49-ти писем (немало!), но Измайлова среди адресатов нет. Похоже, пламенная дружба успела остыть довольно быстро, года за два. Что было причиной тому? Это ясно из писем. Иванов не раз пенял петербургскому другу; например, так: «Я чувствую согласно с твоим характером и с шумным блеском Академии, что просьбы мои и советы, чтобы склонить тебя на посещение нашего дома останутся тщетны. Предчувствую еще горшее несчастье, что услуги твои о воспитании брата должны уничтожиться с выездом нашей фамилии из стен Академии... После сего письма твоя безответность заставит меня переменить о тебе мнение»⁴⁷.

В переписке Иванова, однако, имеются позднейшие письма, отнесенные Боткиным к разряду «писем к неизвестному», но содержащие обращение и другие атрибуты, указывающие на того же Измайлова. Так, весной 1834 г. Иванов пишет из Милана: «Милостивый Государь, Петр Иванович! Письмо ваше, с приложением батюшкинаго, я получил...»⁴⁸. Ясно, что какие-то отношения Измайлова с семейством Иванова к этому времени еще сохранялись. Другое письмо или, скорее, записка (черновик), писанная летом 1836 года,

начнается со слов «любезнейший Петр Иванович» и содержит дружескую просьбу сочинить поздравительную надпись в прозе для чествования Ореста Кипренского. Может быть, она адресована Измайлову.

По-видимому, более поздних корреспонденций между друзьями сегодня не известно и не опубликовано. Но возможно, письма Иванова к Измайлову, учитывая характер и длительность их отношений, были более многочисленны, чем это сегодня представляется⁴⁹. Они сосредоточены в государственных хранилищах; не все из них привлекали внимание исследователей.

Поэтому сохранение даже одного из подобных подлинников в частном владении сегодня кажется чудом.

* * *

Итак, перед нами оригинальное письмо, предположительно написанное Ивановым 2–3 февраля 1831 года и адресованное младшему товарищу по АХ и самому в то время близкому другу Петру Ивановичу Измайлову.

Установив окончательно эти формальные обстоятельства, можно перейти к более важным деталям, позволяющим заглянуть в душевный мир выдающегося русского художника.

Дело в том, что в данном, одном из самых первых, дружеском отчете Александра Иванова из Рима содержатся, как в зародыше, такие импульсы, которым будет суждено сформировать едва ли не главное содержание жизни Иванова. В письме просматриваются важнейшие сюжетные линии, протянувшиеся затем практически до самой его смерти. Это его взаимоотношения с петербургским куратором Василием Ивановичем Григоровичем (1792–1865) и с художником Карлом Павловичем Брюлловым (1799–1852). Но если отношения с Григоровичем важны лишь для внешней канвы биографии Иванова, не особенно влияя на развитие его творческого гения, то отношения с Брюлловым были поистине судьбоносными, определили во многом весь путь художника. Сосредоточимся на них.

К истории одного соперничества

*Имей он талант Брюллова или имей
Брюллов душу и сердце Иванова, ка-
ких чудес мы были бы свидетелями.*

И. С. Тургенев

Ах, Александр Андреич, дурно, брат!

А. С. Грибоедов. Горе от ума

Почему Иванов, даже опасаясь прослыть шпионом, хотел, все же, чтобы его письмо с нелицеприятной характеристикой Карла Брюллова попало в руки Григоровича? И просил в том содействия и совета Измайлова? Причем следует полагать, что письмо стало-таки известно Григоровичу благодаря доброхотству (вынужденному?) Петра Измайлова. Летописец Брюллова при его жизни М. И. Железнов недаром записал о начале 1830-х годов: «И вот в Академию долетели жалобы на то, что Брюллов здесь у нас [в Риме] как бы завладел всем и что русские художники решились прервать с Брюлловым все сношения, чтобы избежать вражды вечной»⁵⁰. Весьма вероятно: в этом признании звучит отголоском письмо Иванова. Зачем и почему он добивался этого?

В отечественном искусствоведении бытует мнение, будто Иванов сызмала питал к Брюллову лишь искреннее восхищение и всякие добрые чувства⁵¹, а сверх того еще и «покорно уступал дорогу»⁵². И будто с тем он и встретился с Карлом Павловичем в Италии. К примеру, Михаил Алпатов заверяет: «Иванов приехал в Рим с самым высоким мнением о Карле Брюллове и долгое время находился под его обаянием. В письмах в Общество он горячо защищает его от упреков в бездеятельности. В делах искусства пример “самого Брюллова” служит для него самым убедительным доводом... Долгое время Иванов домогается сближения с даровитым художником»⁵³.

Действительно, в юности (осень 1823) Александр писал Карлу Рабусу о Брюллове: «Никогда бы я не хотел состязаться с сим Геркулесом»⁵⁴. Но это

смирение, как видно, было напускным, скрывающим самые сильные порывы честолюбия, если не зависти. Ведь письмо содержит такие характеристики, которые позволяют взять под сомнение искренность Иванова. Его снесли совсем иные чувства, хотя он и остерегался выставлять их напоказ. Но только ли в профессиональном соперничестве было тут дело?

Думается, что Иванов и Брюллов выражали собой два вполне противоположных человеческих типа, которым не суждено ни сближение, ни взаимопонимание.

Родившись в один год с Пушкиным, Карл Павлович Брюллов (1799–1852) возмужал при относительно благополучном и славном правлении Александра Благословенного. Когда в декабре 1825 года разразилась катастрофа на Сенатской площади, он, в отличие от Иванова, уже был далеко от России. С 1822 года пребывая в Риме, Карл к этому моменту успел прославиться и в Италии, и в России как автор выдающихся полотен «Итальянское утро» (1823), «Сатир и вакханка» и «Эрминия у пастухов» (1824). Политические бури, житейские тревожения не коснулись любимца Аполлона и Фортуны, ничто не омрачало его успех.

В Риме Брюллов располагался в мастерской прославленного скульптора Торвальдсена, пригласившего молодого талантливого русского художника работать у себя⁵⁵. Кстати, окно дома, где жил Иванов, выходило прямо на окошко датчанина, постоянно напоминая о счастливчике Карле.

Брюллов был сыном и одновременно отцом (творцом) «золотого века» русской культуры. Недаром имеется свидетельство о том, что Пушкин на коленях выпрашивал у него рисунок (их дарования были сродни, но художник «отказал мольбам Александра Сергеевича»)⁵⁶. Принадлежит к поколению Пушкина, Дельвига, Вяземского, Грибоедова, он любил чтение, музыку, театр и отлично сохранил вдали от России полнокровное, жизнерадостное, эпикурейское начало своего творчества.

Таким он был и в жизни. Женщины, соперничая, дарили Брюллова своим вниманием⁵⁷, репутация жуира и бонвивана сопутствовала ему до гроба. Это обстоятельство нередко вызывало недоброжелательное отношение к жизнелюбивому художнику, не знавшему преград своим желаниям. Характерно признание его племянника, художника П. П. Соколова: «Я считал его великим мастером, но все же в моей тогда молодой и честной душе не могли согласоваться эти два существа: гений и страшное исчадие разврата... Раз пришел я к Карлу Павловичу и нашел дверь его квартиры открытою; оказалось, у него в доме шла уборка и поломойка мыла пол. Вдруг до меня долетел возглас дяди: — Стой! Не шевелись! — Я уже приотворил дверь и окаменел от омерзения и ужаса от той картины, которую увидал... Меня не заметили, и я ушел скорее прочь. Как мне жалок и гадок был этот великий артист...»⁵⁸. Дядя бы от души посмеялся этой наивно-ханжеской филиппике племянника⁵⁹.

А вот Иванов, скорее всего, подписался бы под нею. Как отмечал исследовавший его религиозные взгляды В. М. Зуммер, опирающийся на архив художника: «Даже самым резким покаянным признаниям (“девка на пороге студии”) придается объективное значение истории борьбы избранного с искушениями»⁶⁰. Впрочем, переступала ли порог она «девка»? Избрав добровольное воздержание, по контрасту с Брюлловым, Иванов избегал даже легкомысленных поцелуев и тоскливо отписывал тому же Измайлову из Милана, уже объездив пол-Италии: «Я до сих пор не соединялся еще с прекрасными, которых много и много встречаю. Ах, как они везде хороши!»⁶¹. Судя по горькому автобиографическому признанию, черезчур напряженная борьба с искушениями несла с собою одни расстройства, заводя избранного в нравственный тупик и служа источником непрерывного самобичевания. В черновой записке художник характеризует себя так: «Добр и завистлив, тих и благороден, склонен к изыщному, труслив и холоден, равнодушен, склонен к недозволенным любовным удовольствиям и жаден видеть тиранския сцены, сомневается в уставах церкви и падок к блескам счастья... Частое упражнение в скверных чувственных привычек ввергало его наконец в болезни от истощения...»⁶². Комментарии излишни.

Понятно, какое раздражение и соблазн должна была на таком фоне вызывать у Иванова эротическая одиссея Брюллова. Недаром он сохранял до конца в своем архиве копии писем несчастной Аделаиды Демулен, покончившей с собой из-за ветреного Карла!

В этой связи высокочзнаменательным кажется один факт семейной биографии Ивановых, о котором почти не упоминают биографы.

Дело в том, что незадолго до своего отъезда в Рим (1822 год) влюбчивый Карл Брюллов посватался... к самой любимой сестре Александра Иванова, Марии. Однако получил отказ⁶³ и уехал на чужбину с глубокой царапиной в душе. О чем, конечно, ни он, ни Иванов никогда не могли забыть. Для Иванова, болезненно переживавшего покушение своего сластолюбивого зятя Сухих на честь все той же Марии, нестерпима должна была быть самая мысль о ее возможном браке с Брюлловым, в чьих нравственных свойствах он нимало не сомневался. Это окрашивало его отношение к «Геркулесу» в дополнительные темные тона (недаром он полусушня сравнил Брюллова с сатаной⁶⁴). И, помимо того, заставляло предполагать у Карла мотивы недоброжелательства к клану Ивановых. Так глубоко интимное, личное вторглось, незаметно для современников и исследователей, во взаимоотношения художников.

Крайне неприязненное и ревниво-пристрастное отношение к Брюллову сразу бросается в глаза при чтении письма. Иванов пронес его через всю жизнь. Сохранился черновик позднейшего (неотправленного) письма, где Иванов упрекал Брюллова: «... а нравственностью Вашу Вы служите примером, что не лъзя вырваться в первый раз из обыкновенных людей, как с ущербом некоторым моральных достоинств»⁶⁵. Вот чем, оказывается, а вовсе не необычайным даром, Брюллов достиг высот Олимпа... В 1851 году, встретив Брюллова в Риме незадолго до его смерти, Иванов отписывал Гоголю свои впечатления: «С Брюлловым я в начале его приезда часто виделся, но теперь с ним не бываю. Его разговор умен и занимателен, но сердце все то же, все так же испорчено»⁶⁶. И называл его стиль «распутным».

Однако нравственность — нравственностью, но ведь ожесточенное, отягощенное личными обстоятельствами соперничество с Брюлловым происходило у Иванова совсем в другой, чисто творческой сфере. И судить об этом следует по развитию Иванова именно как художника. Конечно, глубоко личные мотивы вплетаются тут в контекст его идейного и профессионального созревания; элементы соперничества и отторжения Иванова от образа жизни и творчества Брюллова просматриваются буквально во всем.

При этом баловень фортуны и света Брюллов вряд ли был настолько же озабочен сравнением своего пути в искусстве с путем Иванова. А уж в начале 1830-х и вовсе не должен был воспринимать свежееиспеченного пенсионера как опасного конкурента. Несмотря на то, что в литературе нередко упоминается о ревнивом отношении Карла Брюллова к чужим способностям в искусстве, прямых свидетельств того, что он был «раздражен» приездом Иванова и относился к нему как к «сопернику», мне найти не удалось.

Однако сам Иванов, судя по письму, был уверен в обратном. Возможно, и тут все было не так уж просто. Следует вспомнить, что еще в 1827 году Академия рассмотрела картину Иванова «Иосиф, толкующий сны» и его же картон «Лаокоон», от чего произошли важные последствия. По решению Совета АХ и с согласия присутствовавших членов Общества поощрения художников Иванов получил не только золотую медаль первой степени, но и предложение от Комитета Общества: «Для вящего усовершенствования в художестве, отправить его на счет Общества в Италию, к чему, с прекращением срока пребывания в чужих краях... Брюллова представляется совершенная возможность». Петербургские влиятельные ценители прекрасного не только поставили ивановского «Иосифа» выше брюлловских работ (такое мнение прозвучало во всеуслышание), но и затеяли рокировку: Брюллова из Рима в Петербург, а Иванова — наоборот, на его место.

Узнал ли об этом Брюллов? Несомненно: подобные важные новости не имеют недостатка в распространителях. Его отказ от пенсии и дальнейшая жизнь в Риме за свой счет могли быть отчасти спровоцированы таким обидным для его самолюбия известием. А этот его резкий поступок немедленно отразился на судьбе Иванова, о чем последний писал осенью 1829 году Карлу Рабусу: «Тут мне грозит строжайшей инструкторией, и за неисполнением одного хотя маловажного пункта я буду лишен срочного пребывания за границей. Ожесточенные поступками Карла Брюллова, они, грозя ему палкою, над первым мною хотят привести в действие свои несбыточные приказания». Иванов, похоже, из-за всего этого побаивался отправляться в Италию и всячески оттягивал отъезд под предлогом того, что хотел бы ехать вместе с Рабусом. Но был-таки отправлен летом 1830-го...

Страх перед Брюлловым, опасение его злопамятности и ревности, усиленный наставлениями Иванова-старшего, прибыл, это очевидно, в Рим вместе с ним. И не оставял даже после отъезда Брюллова на родину.

Иванову было чего бояться, ведь Брюллов, как мы знаем, не очень-то церемонился с коллегами. Вот и Иванову он дал реприманд, отразившийся в черновых записях: «Карл Брюлло... довел дело до заключения тем, что произвести картину надобно быть или гению или избрать страстные сюжеты, а так как в моей он видит только холод, то она безжизненна-негодна»⁶⁷. Трудно точно утверждать, к какой именно картине относилась реплика Брюллова, но можно представить себе, какое впечатление эти уничтожающие слова произвели в душе Иванова. И вот уже в 1836 году Иванов делился с отцом своими опасениями: «Что-то говорят о моей картине “Иисус с Магдалиною”? Я полагаю, что она сделалась жертвою мщения Брюлло»⁶⁸. Предположение пустое, но очень характерное.

Хотя... совсем ли пустое? Весной 1847 года племянница Иванова и полная тезка его старшей сестры Е. А. Сухих доводила до сведения дяди, что вернувшийся из Италии архитектор Константин Тон распускает по Петербургу слухи, будто Иванов сошел с ума и академическое начальство решило отказать ему в материальном пособии. Племянница добавляла, что подобные слухи расходятся также «от некоторых художников и даже от самого Карла Брюлло»⁶⁹. Как известно, защищать Иванова от слухов о сумасшествии пришлось лично Гоголю всем своим авторитетом.

Однако в начале 1830-х, когда Александр Иванов только еще осваивался в Риме, Брюллов как раз затевал свои шедевры: «Всадницу» и «Вирсавию» (1832). Позади был обаятельнейший «Итальянский полдень» (1827). Брюллов был на подъеме, едва ли не в зените мастерства, он уже пользовался заслуженным признанием, его ждала большая слава. Раздраженный нелепой критикой «Полудня» и задержкой выплаты ему пенсии Обществом поощрения художников, он стал брать заказы, быстро обрел материальную независимость и с издевательской учтивостью отказался от пенсии вообще⁷⁰. Он, конечно, вполне знал себе цену и никому не собирался отдавать пальму первенства, заслуженную по праву гениальности и мастерства. Но вред ли ревновал к Иванову⁷¹.

Правда, успех не настолько вскружил голову Карлу, чтобы он потерял способность судить себя со всей строгостью. Известно, что однажды он порвал холст своей великолепной «Вирсавии», всердцах запустив в нее сапогом от избытка чувства творческой неудовлетворенности, недовольства собой. Это произведение до конца так и не далось художнику, по его собственному мнению. Не поднялось к чаемому и должному совершенству. Но ведь даже неоконченная им, подклеенная и подреставрированная, картина производит на любителей живописи ошеломляющее впечатление игрой света и красок, поистине обольстительной красотой, живой прелестью!

Что же удивляться, если, судя самого себя столь придирчиво и пылко, Брюллов в грош не ставил прочих художников, объективно стоящих ниже его на лестнице дарования и мастерства⁷²? Большая часть которых лишь множила сонм завистников по обе стороны российской границы.

Исключительные способности Брюллова были очевидны всякому, но его попрекали камерностью творчества, твердя, что он «великий мастер на малые дела». И тогда он предпринял «Помпею», которая должна была раз и навсегда пресечь подобные разговоры, раздавить завистников. Иванов не преминул своеобразно откомментировать его устремления: «Брюллов, не имея приятных занятий в междоусобицах, занялся весьма прилежно картиной “Последний день Помпеи”»⁷³.

Брюллов окончил ее менее чем за три года, едва не надорвавшись от испанского труда, но зато отныне ни у Рима, ни у мира не осталось сомнений: он – первый, лучший, несравненный, вне конкуренции. В видавшей виды Италии, поистине знающей цену талантам, его известность достигла невероятной степени. Поклонение художнику вознеслось до фанатизма, его именем были исписаны стены Рима, ему рукоплескали в театре... При пересечении границ различных княжеств у него даже не требовали документы! Завистникам оставалось только заткнуть себе рты перед лицом такого очевидного и заслуженного превосходства, триумфа.

Вот в каком тоне и стиле считал теперь Иванов необходимым обращаться к Брюллову в те дни: «Любопытный видеть славную Вашу картину, я несколько

раз покушался придти к Вам в студию, но, наконец, несмотря на все убеждения людей к Вам близких войти к Вам без позволения, я решился написать к Вам письмо сие, в коем теперь спрашиваю самих Вас, позволите ли Вы мне видеть труды Ваши?»⁷⁴. Отец в том же году наставлял сына: «На счет поведения г. Брюллова с тобою не обращай большого внимания и не вмешивайся в его дела ни под каким видом»⁷⁵. Это означало, по пословице: с сильным не борись!

Впрочем, и в 1830-е смириться с превосходством Брюллова Иванов не мог. В наброске письма тех лет читаем: «Курлан<д>ец, переименованный в Кипренского, выбил нам первой европейскую репутацию, пришлец Карл Брюлло сказал Европе, что русской может быть и историческим живописцем. Но когда Богу было угодно собственно русского вывести на поприще славы художественной, то Он внушил Иванову прославить Единородного Сына Своего!»⁷⁶.

Но тут нам пора вникнуть в обстоятельства создания ивановского шедевра – «Явления Христа народу» – начиная от замысла и кончая перепетиями воплощения, поскольку соперничество с Брюлловым выразилось именно в этом, а не в чем ином.

* * *

Как и Брюллов, Иванов охотно использовал античные образцы в своих картинах, в том числе на христианскую тематику. Он не только позаимствовал Эндимиона с античного барельефа для изображения своего Кипариса, а статую Аполлона Бельведерского (Ватикан) для своего Аполлона в картине «Аполлон, Гиацинт и Кипарис» (1834), но и того же Аполлона для изображения самого Иисуса Христа в картине «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения» (1835). Для фигуры же Магдалины прототипом послужила... Ниоба, коленопреклоненная статуя которой была широко известна даже в России по гравюрам и литографиям. Весьма смелое художественное решение! И уж точно не каноническое с точки зрения православия. Однако именно за эту картину Иванову присвоили чин академика, поместив ее в Эрмитаж, к величайшей радости и гордости отца художника, о чем Андрей Иванович не замедлил известить сына.

Реакция Александра Андреевича была неожиданной до дерзости. В своем известном ответном письме (декабрь 1836) он решительно сбрасывает с пьедестала «идеал отца» («отцов») и вдохновенно топчет представления современных ему соотечественников о должном и вожделенном: «Вы полагаете, что жалование в 6–8 тысяч по смерти, получить красивый угол в Академии есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастье. Художник должен быть совершенно свободен, никогда ничему не подчинен, независимость его должна быть беспредельна. Вечно в наблюдениях природы, вечно в недрах тихой умственной жизни⁷⁷, он должен набирать и извлекать новое из всего собранного, из всего виденного. Русский художник непременно должен быть в частом путешествии по России и почти никогда не быть в Петербурге как городе, не имеющем ничего характеристического⁷⁸... Академия художеств есть вещь прошедшего столетия... Купеческие расчеты никогда не подвинут художества, а в шитом, высоко стоящем воротнике тоже ничего нельзя сделать, кроме как стоять вытянувшись» (камушек в огород собственного батюшки, такой воротник имевшего, но – увы! – потерявшего).

Конечно, подобные мысли вряд ли возникли бы в душе художника, который, по собственному признанию, был «напуган с самых нежных лет», если бы у него перед глазами не блистал своею победительной независимостью великолепный пример: Карл Брюллов. Ясно, что именно его Иванов принимал за образец, по его образу и подобию хотел бы свободно жить и творить.

«Эва, куда метнул!» – как сказал бы Гоголь. Вот к чему привели русского верноподданного всего каких-то пять лет пребывания в вольном состоянии в Вечном городе...

Но главное: располагая той свободой, которая одна только представлялась ему достойным художника уделом, на что он употребил ее и свой редкостный дар? На двадцатилетний труд, подчиненный весьма странной идее, которую художник со временем перерос и доканчивал осуществление своего грандиозного полотна через силу, урывками, подолгу не находя в себе духа вновь подойти к холсту. Трагично признание Иванова в одном из писем по-

следних лет жизни: «Мой труд — большая картина — более и более понижается в моих глазах. Далеко ушли и мы, живущие в 1855 году, в мышлениях наших — тем, что перед последними решениями учености литературной основная мысль моей картины совсем почти теряется, и, таким образом, у меня едва достаёт духу, чтоб более усовершенствовать ее исполнение»⁷⁹.

К указанному времени, по наблюдению современников, он перестал являться на церковные службы и приходил в церковь лишь тогда, когда не мог уклониться от этой обязанности русского художника за границей. По-видимому, он вовсе перестал верить в Бога⁸⁰. Александру Герцену он признавался в Лондоне в 1857 году: «Я утратил ту религиозную веру, которая облегчала мне работу, когда вы были в Риме. . . Писать без веры религиозные картины — это безнравственно, это грешно».

Впрочем, все это не помешало ему перед смертью причаститься святых тайн.

Совершенное по мастерству живописи, его «Явление Христа народу» производит удручающее впечатление как непомерная по размеру иллюстрация даже не к Евангелию, а к учебнику по истории еврейского народа, не более того.

Убить на это жизнь, как сделал Иванов, кажется странным. Зачем он положил себя и свой дар на такой алтарь? Что хотел сказать этим гигантским холстом, с его вызывающе ярким ближневосточным и семитским колоритом, русскому человеку или русскому царю? Неудивительно, что Александр II не спешил приобрести сие творение вплоть до самой смерти художника, которая наступила вскоре по возвращении в значительной мере от такой обидной «недооценки»⁸¹ и от разочарования в «подвиге жизни». А великий русский поэт и дипломат Федор Тютчев, тот и вовсе отзывался о картине недипломатически: «Да это не апостолы и верующие, а просто семейство Ротшильдов»⁸².

Ларчик, на мой взгляд, открывается легко. Начиная сей подвиг, Иванов, конечно же, имел в виду, прежде всего, одно: «заткнуть за пояс» Карла Брюллова с его «Последним днем Помпеи», выведшим этого художника на уровень первостатейного признания всей Европы. Недаром первые упоминания в письмах о замысле «Явления Христа» относятся именно к 1833 году, когда Брюллов открыл свой шедевр для всеобщего обозрения. А в 1837 г., когда Иванов решился натянуть непомерный холст на подрамник, слава «Помпеи» и ее творца была в зените, постоянно беря давшишнюю душевную рану нашего честолюбивого автора, хотя самого Брюллова уже не было в Риме, откуда он уехал еще в 1835 г. Ревнивое и неприязненное отношение Иванова к Брюллову, просматриваемое в публикуемом письме, с годами только нарастало⁸³. Не потому ли и размер холста был избран такой, чтобы затмить, превзойти брюлловскую «Помпею» невиданным размахом?

Ранее Иванова в соревнование вступил Федор Бруни, активно работая над большеформатным (больше «Помпеи») «Медным змием». Это еще больше подстегивало Иванова, который хорошо относился к Федору Антоновичу, пока того. . . не пожаловал император орденом св. Станислава. Алпатов отмечает: «Когда же Бруни собрался в Петербург для занятия должности профессора, Иванов мрачно пророчит ему, что он сумеет, “закутавшись в личину любезного человека и покорного подданного русского, нахватать пенсий, крестов, почестей и денег”. Он даже высказывает опасение, как бы Бруни со временем “искуснейшим образом не взял себе заграничный паспорт” и не пожелал “спокойной ночи воспитавшей его России”. Иванов резко осуждал поведение этого художника, которое он называл “шарлатанским”»⁸⁴. Немного надо было Иванову, чтобы так переменить свое отношение к коллеге. . .

Гигантомания сильно повредила художнику, разрушила всю его жизненную перспективу. Если Брюллов в одном мощном порыве закончил свою «Помпею» за год⁸⁵, то «Явление Христа народу» писалось Ивановым двадцать лет. Картина «выпила его кровь» и стояла ему, в конечном счете, жизни. Так непосильная ставка в казино может расстроить рассудок, а то и свести в могилу незадачливого игрока.

Несмотря на очевидность сказанного, грандиозность творения Иванова, не только количественная (размер, многофигурность и многоплановость), но и профессиональная, поразили воображение современников. Настолько, что Илья Репин запальчиво назвал «Явление Христа народу» даже «самой гениальной и самой народной картиной». Репин обосновал свою оценку так:

«По своей идее близка она сердцу каждого русского. Тут изображен угнетенный народ, жаждущий слова свободы, идущий дружною толпой за горячим проповедником».

Но помилуйте! Ни слов свободы (Иоанн ничего не проповедовал, кроме покаяния и веры в мессию равно для всех⁸⁶), ни дружной, куда-либо идущей толпы, ни, тем более, угнетенного народа на картине нет и в помине! Если не считать за последний раба, чей весьма паскудный и глумливо-придурковатый вид не вызывает никакого сочувствия.

Так что вряд ли в этой оценке одного мастера другим можно увидеть что-то, кроме признания исключительного мастерства Иванова именно как живописца. Видно, Илья Ефимович просто подпал под влияние «передовых» критиков... С точки зрения русской народности, на мой взгляд, в картине трудно отыскать хоть что-нибудь, возвышавшее дух, ибо сюжет, имеющий высокое символическое значение, Иванов попытался решить в чисто историческом и светском ключе⁸⁷. И в результате утратил его высший смысл, растворив в бесчисленных занимательных деталях: правдоподобие вместо Правды.

Одни типажи, занимающее все огромное пространство переднего плана, чего стоят! Недаром Иванов искал их не только на итальянском юге, заселенном сирийскими семитами еще в раннем средневековье после запустения Римской империи, но и специально в местах скопления евреев, на рынках, в купальнях и молитвенных домах — около четырехсот этюдов с натуры! Особенным его вниманием пользовались еврейские гетто вблизи Капитолия и в Ливорно. Результат получился убедительным и жизненным донельзя. Сочетание еврейской общественной сакральной помывочной («миквы») с синагогой — что тут найдешь особо близкого для русской души? Впрочем, не угодил Иванов и евреям, изобразив отнюдь не отрадный для них момент исторической судьбы.

В записках Иванова, относящихся к 1830-м годам, можно прочесть о первоначальных намерениях художника, который хотел изобразить «страх и робость от римлян и проглядывающие чувства: желание свободы и независимости». Он писал также: «Нужно представить в моей картине лица всяких скорбящих и безутешных... вследствие разврата и угнетения от разной смеси светских правительственных лиц, вследствие подлостей, какие делали сами цари иудейские, подлаживаясь к римлянам, чтобы снискать подтверждения своего на трон из одного честолюбия». Но нам-то, русским, какое дело до всех этих проблем древних евреев? К тому же, картины разврата, угнетения, подлостей и ласкательства остались за рамкой полотна и никак не влияют на суть изображенного.

Право, можно только пожалеть, что в юности художник не прислушался к доброму совету молодого императора Николая и не обратился к русской истории, уступив лучшие лавры пришедшим ему на смену Василию Сурикову, Виктору Васнецову и другим истинно народным мастерам кисти. Как бы ни относиться к Николаю Павловичу — меценату и ценителю изящного, но политическое и национальное чутье у него было отменным. Его второй, за жизнь Иванова, дельный совет был дан в Риме в декабре 1845 года после посещения мастерской художника. Воскликнув при всех «Прекрасно начал!», император позднее передал пожелание: создать в параллель «крещению евреев» такого же формата полотно на тему крещения русских князем Владимиром в Днепре⁸⁸. С одного взгляда Николай разглядел ахиллесову пяту автора, притом отечески пощадив его самолюбие и ничем не выдав своего разочарования. Царь зрил в корень, но Иванов и на сей раз остался глух. Вместо того, чтобы исполнить царское пожелание, он еще тринадцать лет дописывал своего «Мессию»...

Не знаю и даже представить себе не могу примера, более наглядно подтверждающего простую мысль: умствования («тихая умственная жизнь») не есть дело художника. Ни философские, ни политические, ни, тем более, богословские. Он не за этим призван в мир! Не в этом его действительная сила!

В особенности данное соображение относится конкретно к Александру Иванову, с его образом мышления. Помимо художественного наследия и обширного архива, от него осталась тетрадь философских размышлений: «Мысли, приходящие при чтении Библии» (1847). Исследовавший их Зуммер резюмирует: «Веру Иванова составляют в это время: славянофильская версия шеллингианства; теория христоподобия избранных, своеобразно понятий

Фома Кемпинский; внедогматическое духовное христианство, взято как чисто нравственное учение; эсхатологический мессианиззм».

Михаил Алпатов критически оценивает эту причудливую смесь воззрений: «В них [«Мыслях»] быстро мелькают одни за другими образы и воспоминания, мечты и пророчества, предчувствия, признания и цитаты. Мысль то скачет с головокружительной быстротой с предмета на предмет, то беспокойно кружит вокруг одного предмета и назойливо возвращается к нему по несколько раз... В «Мыслях» Иванова нет самой простой последовательности; автор то уносится в заоблачную высь и теряет под ногами почву, то путается в фантастических домыслах, не в силах избавиться от множества предрассудков»⁸⁹.

Ну, а сам художник особенность своего образа мысли выразил так: «Всякая идея только тогда и сильна, когда еще не выдана на словах». Но ведь мы говорим, как мыслим, а мыслим, как говорим. Казалось бы, не владея словом, не нужно было так уж полагаться на свой ум, выбирая идею для дела всей жизни...»

А вот Иванов, на подступах к своему главному полотну, рассудил иначе и, готовясь просить Общество поощрения художников о вспоможении, ставил в черновике задачу «...наконец доказать, что я выбрал первый сюжет в свете и следоват[ельно] обезсмертил их если не в глазах современников, то потомства за сим следовать будет убеждение дать мне всех пособий к производству онаго в большом виде в Риме»⁹⁰. К сожалению, этих доказательств мир так и не увидел, расчет художника получить «все пособия» под идею картины оказался наивен. Он не сумел всерьез убедить Общество, которое вначале продлило Иванову срок пенсионерства, потом выдало разок единовременное пособие, но с 1839 года вовсе предоставило собственной судьбе, невзирая на разработку им «первого сюжета в свете», обещающего покровителям бессмертия...

Но главная разгадка находится в письме Иванова-старшего от 15 июня 1833 года: «Замечу тебе, любезный Александр, что в последнем письме твоём есть такие выражения, которые мне не нравятся и непонятны, напр., "я сказал Григоровичу что начну картину единственно из того, чтоб русские привыкли к мысли, что Иванов хочет писать картину, составляющую смысл всего Евангелия"». Выражение, по моему мнению, надменное; я не знаю, впрочем, удачно ли выполнен тобою предмет сей, но уже ты гордишься одною идеею слов сего предмета»⁹¹. Судя по приведенному тексту, вовсе не свет евангельских истин, горящий в душе, и не чисто творческий, художнический импульс были главным двигателем Иванова-младшего. Честолюбие и соревнование выжигало его изнутри дотла⁹², заставляло обращаться к работе, должностующей потрясти воображение современников и принести небывалое признание. Обращаться, даже когда сама эта работа уже опостылела...

Вплотную взявшись в 1837 году за «всемирный», как он считал, сюжет и неотступно служа ему в дальнейшем, Иванов наложил на свою душу поистине «бремена неудобносимые». Его личная жизнь была жизнью мизерабля, в отличие от того же Карла Брюллова. При ее рассмотрении не покидает ощущение, что Иванов сознательно выстраивал свое поведение, отталкиваясь от примера Брюллова, как бы возражая ему не только в творчестве, но и всем своим бытием.

Это давалось нелегко. Постоянное выпрашивание денег у благодетелей всех сортов было невыносимо; самоограничение до пределов болезненных (по Риму и Петербургу в связи с этим пошли слухи о его помешательстве). Зарабатывать кистью, как это делал в свое время Брюллов, он не желал из принципа. Семьи у него никогда не было, только случайные связи с женщинами, вряд ли близкими ему по духу⁹³; единственную дочь родила ему натурщица, семейной жизнью с которой он не жил, что, в общем-то, объяснимо. В недолгом времени он утратил и своего любимого друга Петра Измайлова, к которому обращено настоящее письмо. В черновике письма отцу говорится: «Вы знаете, что у меня нет знакомых в Петербурге, и теперь нет друзей ни там, ни здесь». Неудивительно, что в записках художника 1930-х годов порой проскальзывают мысли о самоубийстве⁹⁴...

К середине 1840-х Иванов стал нелюдим (К. Д. Кавелин – В. В. Стасову: «Иванов, сколько я заметил, был очень застенчив и скрытен»⁹⁵), не имел постоянного круга общения, почти прекратил доступ посторонних в свою мастерскую. Инстинктивно боясь и не желая возвращения в Россию, с одной стороны, а с другой – задерганный требованиями официальных инстанций хоть

чем-нибудь отчитаться за два с лишним десятилетия заграничного иждивения⁹⁶, художник отчаянно цеплялся за пребывание в Риме, отговариваясь грандиозностью своего замысла и недостаточным еще совершенством его воплощения.

Положение во многом спасали русские путешественники, непременно навещавшие художника и распространявшие славу о нем по возвращении в Россию. Особенно способствовали легендированию Иванова славянофилы (Чижов, Шевырев, Погодин и др.). Да, у этих идеократов, как впоследствии у Гоголя⁹⁷, Герцена с Огаревым и демократической критики в лице Чернышевского, Стасова и др., он находил понимание и поддержку. На всех неотразимо действовало обаяние его личности, несомненно аскетичной, возвышенной и бесконечно преданной служению искусству, поиску совершенства. Строки, посвященные Гоголем Иванову, достойны быть выбиты на веки вечные над входом в любое учебное заведение, где обучают хоть чему-нибудь, имеющему отношение к творчеству. Гоголь, подчеркнув, что Иванов не только не ищет «житейских выгод, но даже просто ничего не ищет, потому что давно умер для всего в мире, кроме работы», выносит свой вердикт на все времена:

«Если он так же, как Иванов, плюнул на все приличия и условия светские, надел простую куртку и, отогнавши от себя мысль не только об удовольствиях и пирушках, но даже мысль завестись когда-либо женой и семейством... ведет жизнь истинно монашескую, корпя день и ночь над своей работой... тогда нечего долго рассуждать, а нужно дать ему средства работать, незачем также торопить и подталкивать его — оставьте его в покое... Не давайте ему большого содержания; дайте ему бедное и нищенское даже, и не соблазняйте его соблазнами света. Есть люди, которые должны век оставаться нищими».

Гоголь мощно поддержал всем своим авторитетом Иванова, римского затворника, создал ему всероссийское реноме задолго до возвращения (статья «Исторический живописец Иванов» в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями», 1847), заставил русскую публику ожидать его возвращения как чуда...

Постепенно Иванов превратился в заметную фигуру русской колонии в Риме, он пользовался большим авторитетом и покровительствовал, по мере возможностей, молодым русским художникам, по-прежнему прибывающим в Вечный город. Мысли о самоубийстве покидают его записки, но одиночество так и осталось его уделом, усилилась мизантропия, болезненная мнительность. Одно время он верил и даже утверждал, что его хотят отравить! И даже приезд в Рим младшего брата, заботившегося о художнике, не смог предотвратить тревожное развитие его характера. Молодые пансионеры, исчерпав благотворительное попечение Общества поощрения художников, отправлялись один за другим домой, а Иванов оставался, трудясь, как каторжный, от рассвета до заката, в своей бедной мастерской, где в итоге практически затворился от мира.

Но и затворившись, Иванов не мог бежать от себя, от измучившего его состязания с гением, избранным себе в соперники. Он никогда не упускал случая высказать свое пренебрежительное отношение к Карлу Брюллову. Так, еще в начале 1830-х Иванов записал по поводу заказа на копию с Рафаэля: «Некто Вигент, давний и ничем не известный пенсионер, ищет уже несколько лет удержать за собою это важное дело... Сей действует по своему равному распоряжению г-на Брюллова, который здесь у нас как бы завладел всем. Искать через него — значит истребить в себе все составляющее сущность духа человеческого, служить ему игрушкой и от прочих терпеть справедливое презрение»⁹⁸.

Даже в том самом неотправленном письме к Карлу Павловичу, где он превозносит его картину, Иванов считает своим долгом засвидетельствовать — и странноватая приписка эта имеется в обоих черновиках! — свою горделивую холодность к адресату: «В заключение скажу: что я совсем не желаю индивидуальной любви Вашей, ибо благо мое есть благо общее, а без общего блага и моего не существует — ИВАНОВ я емь!»⁹⁹. В черновой записке без начала и конца Иванов записывает характерный силлогизм: «Карл вреден, ибо не любит истину. Не любящий истину вреден, Карл не любит ее, следовательно он вреден»¹⁰⁰.

Неудивительно в данной связи, что в 1836 году Иванов писал отцу: «Вы радуетесь, что Брюлло переменял со мною обращение. Перемена его только

на один день. Впрочем, это все равно. Он несчастен, ибо не может никогда быть ни добрым, ни спокойным»¹⁰¹. Позднее, оправдываясь перед Григоровичем в медлительности, Иванов упирал: «Наш славный Брюлло не есть неприменная мера всем нам, русским художникам. Нельзя брать скорость его экзекуции для нас примером. Правда, он написал в два года “Последний день Помпеи”, но эта сцена не имеет ничего возвышенного»¹⁰².

Казалось, он не кривил душой, отрицая значение Брюллова, поскольку готов был в 1845 году за бесценно уступить Ф. В. Чижову 6–7 подлинных рисунков Карла, доставшихся ему за долги от Засена, «пропавшего в чужих краях»¹⁰³. При этом, как отмечает в своих воспоминаниях Л. М. Жемчужников: «Неуважение Иванова К. П. Брюллову сильно отразилось на Чижове»¹⁰⁴.

Апофеозом этого «неуважения» является известный отзыв Иванова на смерть Брюллова в записке Ф. И. Иордану, граверу, подрабатывавшему за границей репродукциями и портретами известных персон: «У нас еще прибавился знаменитый покойник — Карл Павлович Брюлло [именно так, всю свою жизнь упорно отказывая сопернику в окончании «-ов», словно желая подчеркнуть его нерусскость, продолжал писать Иванов эту фамилию!], и это может быть делом вашего бенефиса»¹⁰⁵.

Такое вот «последнее прости»...

Однако смерть Брюллова, пожизненное соперничество с которым истерзало душу Иванова, положила, наконец, предел его несправедливому отношению. Соперничать стало не с кем, теперь можно было и проявить великодушие, отдать мертвому должное, признать — коль скоро тому уже все равно — его величие. Парадоксально, но именно теперь, по свидетельству П. М. Ковалевского: «Всех выше мастеров последнего времени он ставил Брюллова. “Брюллов произвел революцию в искусстве!” — говаривал он. За Брюлловым следовал Поль-Деларош...»¹⁰⁶.

Уход из жизни художника, с которым всю жизнь мысленно сравнивал себя Иванов, состязание с коим составляло главное содержание его собственной жизни, наполняло ее смыслом, тяжело сказался на отношении к собственному шедевру. «Брюлло» не стало, доказывать свое превосходство стало некому. Под конец работа уже не только не приносила Иванову удовлетворения, но он, давно духовно переросший вдохновлявшую его некогда идею¹⁰⁷, буквально силком заставлял себя завершить начатое. Это было необходимо, чтобы по крайней мере не обесмыслить нечеловеческий двадцатилетний труд. Он завершил его и принял решение вернуться в Россию¹⁰⁸, надеясь вознаградить себя за все — морально и материально.

Как отметил Михаил Алпатов, «Иванов искренно верил, что “Явление Мессии” произведет настоящий переворот не только в искусстве, но и в жизни русского общества, и он говорил об этом с трогательной убежденностью»¹⁰⁹. Ему мечталось на волне всеобщего признания и восхищения, по примеру, конечно же, давно покойного Брюллова, встать во главе обновленного русского искусства. Послужить, наконец, своим талантом отчизне, как завещал не дождавшийся его возвращения отец¹¹⁰. И вот, продемонстрировав свой шедевр римской публике, он покинул Вечный город и прибыл в Петербург.

Но повторить триумф Брюллова ему не довелось. Первое впечатление, вызванное картиной у публики по прибытии в Петербург, было сдержанное недоумение. Надежды общества, некогда мощно разогретые Гоголем и другими, сменились разочарованием¹¹¹. Оказалось, что почти тридцать лет пребывая вне России, художник основательно утратил с нею живую связь. Как метко заметил М. П. Боткин, в чьем жилище провел оставшиеся ему земные дни Иванов, «художник, проживший 28 лет в своей мастерской, трудолюбиво работавший, позабыл, что есть другой мир, который судит и произносит приговор»¹¹². Картина не вызвала чаемого восторга. Лишь спустя годы передвижники, ведомые И. Н. Крамским, некогда провожавшим Иванова в последний путь, подняли его на щит, чтобы в итоге художник удостоился той почетной оценки, что прозвучала из уст Репина.

Иванову понадобилось всего шесть недель, чтобы горькая мысль об итоговой непризнанности, о крахе мечты сложилась, настигла его сердце и свела в могилу. Он умер ровно в том же возрасте, что и Карл Брюллов, пережив его в протяжении времени, но так и не превзойдя судьбой. Смерть была настолько скоростной, что никто не поверил, будто ее причинила холера, приступ которой Иванов уже пережил сразу по приезду и остался жив. Иван

Тургенев, писатель остро наблюдательный, спросил: «Что значит эта смерть? Уж, полно, холера ли это? – Не отравился ли он? Бедный! – Вспоминаю я его ужас при мысли о Петербурге, его предчувствия: они сбылись»¹³.

Так закончилось это тридцатилетнее соперничество, сложившееся в Риме начала 1830-х, рубежным памятником которого стало настоящее письмо...

Впрочем, закончилось ли? Вскоре, в 1861 году известный критик демократического склада В. В. Стасов подверг весьма жесткому и нелицеприятному разбору творчество Брюллова, противопоставляя ему и превосходя Иванова, в статье с характерным названием «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве». Для критиков этого направления главным, коренным вопросом было выяснить, «что хотел сказать художник» – и, соответственно, то ли он сказал, что от него требовалось. Они не задавались вопросом, должен ли художник «что-то сказать» вообще. Начался новый виток нескончаемой дискуссии о назначении художника в нашей жизни. Она, как видим, дотянула до наших дней, но так и не привела к однозначным решениям.

Стоит ли пытаться ее продолжать?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историю документа и анализ его морфологии я изложил в исследовании, опубликованном на сайте журнала «Наше наследие»: «...Расскажу тебе кое-что секретное» (http://www.nasledie-rus.ru/red_port/ivanov_ann.php).

² Текст приводится с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала, но без использования букв, вышедших из употребления, и без твердого знака в окончаниях на согласную.

³ Имеется в виду, скорее всего, Василий Сергеевич Трубецкой (1776–1841) генерал-адъютант, сенатор и член государственного совета, бывший в 1830 году чрезвычайным послом в Лондоне, но возвращенный в Россию в 1831-м. Его путь на родину пролегал через Рим.

⁴ Речь о Григории XVI (Бартоломео Альберто-Мауро Капеллари, 1765–1846).

⁵ Переписка русских пенсионеров подвергалась перлюстрации.

⁶ Так писалась фамилия Брюлловых, пока Александр Первый не пожаловал братьям Брюлло, Карлу и Александру, перед отправкой их за границу, окончание фамилии «-ов» в ознаменование выдающихся успехов на художественном поприще. Европа должна была узнать их под «русским» именем.

⁷ Российским посланником в Риме до апреля 1832 г. был князь Г. И. Гагарин (театрал и друг многих художников). Брюллов играл в любительских комедиях у него, оформлял спектакли вместе с Н. Е. Ефимовым и Г. Г. Гагариным-сыном. Г. И. Гагарин писал в 1828 году А. Н. Оленину: «Брюллов гений необыкновенный, который на все поддается, его портреты, его сочинения, его отделка – все превосходно». – Ацаркина, с. 67.

⁸ Карл Брюллов состоял в масонской ложе Избранного Михаила, но в 1822 г. дал подписку о неучастии в тайных обществах в дальнейшем. – Сахаров В. И. Листки из «масонской архивы» к биографии М. Н. Загоскина и К. П. Брюллова // Литературная Россия, 6 февраля 1998, № 6.

⁹ Ефимов Николай Ефимович (1799–1851), архитектор, гравер и рисовальщик. С 1840 г. академик архитектуры, с 1844 г. профессор АХ. В Италии пребывал с 1827 до середины 1830-х гг.

¹⁰ Речь идет о французенке Аделаиде Демулен, «переданной» Брюллову потерявшим здоровье и уезжавшим в Сорренто Сильвестром Щедриным. Карл потом оставил Аделаиду и завел роман с графиней Юлией Самойловой. Не получив ответа на свое отчаянное письмо, молодая женщина покончила с собой, утопившись. Списки этого и еще одного любовного письма Аделаиды на французском языке, видимо, ходили по рукам русских пенсионеров; Иванов сберегал в своем архиве до самой смерти комплект, сделанный рукой неустановленного лица, если не самый оригинал (ОР РГБ, ф. 111, к. 9, ед. хр. 13).

¹¹ Гофман И. (в справочниках не значится) – художник родом из Риги, с которым у Иванова сложились особенно близкие отношения в Риме. Втроем с Григорием Игнатьевичем Лапченко они образовали дружеский триумvirат: «Гофман, Лапченко и я составляем одно тело. Первый добр, умен и несколько тоже рассеян, не любит карлистов, т. е. приверженцев к Карлу [Брюллову]», – такую запись оставил Иванов в своих бумагах (Новицкий, с. 55).

- ¹² Марков Алексей Тарасович (1802–1878) приехал в Италию в 1830 году.
- ¹³ Возможно, Иванов несколько сгустил тут краски, рисуя черным образ Карла Павловича. Между тем, сохранилось верное свидетельство, что данный эпизод не слишком омрачил отношения Брюллова с Марковым, которому он, отъезжая из Италии в Петербург в 1834 г., доверительно оставил все свои неоконченные картины, принадлежности живописца, бытовые вещи и т. п., правда, запечатав имущество своим перстнем-печаткой (Ацаркина, с. 140). Брюллов, по воспоминаниям художника Алексея Боголюбова, всегда посмеивался над Марковым, приятельски поддразнивал, именуя его «Колизеем Фортунычем» и «нищим профессором в долг» (обыгрывая названия его картин: «Фортуна и нищий» и так и не дописанные «Христианские мученики в Колизее»). Не этот ли трудный опыт был причиной того, что Марков, преподавая в Академии в 1840-е гг., отличался, как пишут энциклопедии, «особым вниманием к молодым художникам». Справедливость требует признать, что Карл Павлович кому-то из русских художников и покровительствовал, например, яро заступился перед А. Н. Демидовым за «невинно обвиненного» Казицына.
- ¹⁴ Федор Антонович Бруни (1799–1875) отправился в Рим еще весной 1819 г. и к началу 1830-х гг. уже был состоявшимся художником. В 1826 году он получил сто червонцев от Общества, но не стал пенсионером, т. к. имел имя и независимость, а потому проигнорировал призыв, «чтобы он объяснил Обществу откровенно свои нужды». Он был известен как автор «Смерти Камиллы, сестры Горация», «Пробуждения граций», «Вакханки и Амура» и пр. В 1827 г. АХ поручила ему сделать две гигантские копии с росписей Рафаэля «Торжество Галатеи» и «Изгнание Илиодора из храма». К приезду Иванова он прочно занял не последнее место в русской художественной иерархии за рубежом.
- ¹⁵ Архитектор А. И. Засен (Зассен, фон Зассен) занимает много места в долголетней переписке Иванова с отцом (с первого из сохранившихся писем отца к сыну и до самого последнего в 1846 г.) из-за денежных отношений. Пожалев растратившегося молодого человека, чуть не угодившего в тюрьму, Иванов-сын принял деятельное участие в сборе средств для него и сам выдал ему 1500 рублей на дорогу до Петербурга с больной невестой. Эти деньги он тщетно потом пытался получить обратно. Иванову-отцу довелось и судиться с братьями Засенами.
- ¹⁶ Соболевский Андрей Петрович (1789–1867) и Юлиан Юзефович Карчевский – художники. Карчевский, с которым сблизился Иванов, умер в Риме в 1833 году.
- ¹⁷ О В. И. Григоровиче и его отношениях с автором письма, а также об «Обществе» подробности впереди.
- ¹⁸ Отец и первый учитель автора письма – художник Андрей Иванович Иванов (1776–1848), сын «неизвестных родителей», в АХ был принят из Московского Воспитательного дома. Окончил ее с золотой медалью, но за рубеж командирован не был, поскольку к тому времени обзавелся семьей, женившись на Екатерине Ивановне, дочери художника Диммерта (Демерта). Дослужился до профессора АХ, выслужил дворянство.
- ¹⁹ Сухих Андрей Акимович (Якимович, Екимович, 1798–1843), учился в АХ с 1808 по 1821 гг. О нем речь впереди.
- ²⁰ Младший брат Сергей со временем, после смерти отца, переехал к старшему брату в Рим, где заботливо ухаживал за ним. В Россию, однако, за братом не следовал, продолжал жить и скончался в Риме в 1877 г.
- ²¹ Александр Осипович Орловский (1777–1832), российский художник польского происхождения, протеже великого князя Константина. Путешествовал по Франции, Италии, Германии. Чем обязан ему Иванов, выяснить не удалось.
- ²² ОР РГБ, опись 111, короб 4, № 27.
- ²³ Алпатов, т. 1, с. 59.
- ²⁴ Письмо отцу весной 1834 года (Боткин, с. 40).
- ²⁵ Боткин, с. 353.
- ²⁶ Иванов-отец, возможно, все же не был полностью в курсе поползновений зятя, ибо немало с ним профессионально сотрудничал; в 1831 г. он отписывал сыну: «Работой моего зятя... был доволен и назначил послать для усовершенствования в чужие края». Сухих с женой жил на Васильевском острове по соседству (через дом) от семьи Ивановых, перебравшихся из академической квартиры в дом купцов Жуковых не позже июля 1831 года (см. Письма, с. 25). Вплоть до ноября 1835 г. в письмах отца к сыну Сухих упоминается вполне уважительно и благожелательно, хотя отец и «замечал с давнего времени несходство нравов» между зятем и дочерью.
- ²⁷ ОР РГБ, ф. 111, к. 1, ед. хр. 3, 1 ч., л. 5.

- ²⁸ ОР РГБ, ф. 111, к. 4, ед. хр. 67, л. 3 об.
- ²⁹ Первый приезд состоялся в октябре–ноябре 1830 г., после чего Иванов отправился в поездку по городам, в частности, посетил Флоренцию, и только потом вернулся в Рим опять.
- ³⁰ Алпатов, т. 1, с. 12.
- ³¹ Карл Иванович Рабус (1800–1857) окончил АХ в 1821 г., рисовальщик и живописец.
- ³² Измайлов Петр Иванович (1808 или 1809–?) в 1819 был принят в АХ, в 1826 получил вторую серебряную, в 1827 первую серебряную, в 1830 г. вторую золотую медали, был выпущен с аттестатом художника XIV класса живописи исторической и со шпагой. С 1831 г. помощник архитектора при Царскосельском дворцовом управлении.
- ³³ Васильченко Матвей Емельянович (1811–?) учился в АХ, но не приобрел сколько-нибудь значительной известности как художник.
- ³⁴ Спарро Павел Иванович (1814–?) сын американского вице-консула, учился в АХ с 1824 г.
- ³⁵ Осокин Константин Семенович (1801–?) был выпущен из АХ в 1831 г. художником XIV класса.
- ³⁶ Тверской Николай Михайлович (1804–1848) за недостатком средств вышел из АХ в 1826 г., но в 1827 г. был назначен академиком за портрет Николая Первого и отправлен в Рим на средства Общества поощрения художников.
- ³⁷ Иордан Федор Иванович (1800–1883) гравер, ученик АХ с 1809 г., пенсионер АХ за границей с 1829 г.
- ³⁸ Демерт Николай Александрович (1833–1876) двоюродный брат Александра Иванова, писатель, публицист.
- ³⁹ ОР РГБ, ф. 111, к. 1, ед. хр. 2, л. 9–9 об. Записная книжка в обложке из синей бумаги, видимо, самая первая из «итальянских», со словариком (перевод слов: ситного хлеба, яблоки, груши, мясной суп, картофель, сделай нам макарон, это масло негодное, дай нам получше и проч.) и записками о впечатлениях от Флоренции, Вероны, Болоньи и пр.: путевые заметки написаны явно еще до окончательного водворения в Риме. Среди всего этого – данный черновик. Воспевание мужской дружбы мы видим и в самой первой картине Иванова, написанной в Риме, но не отосланной в Россию и пребывавшей в мастерской художника до конца: «Аполлон, Гиацинт и Кипарис». Она также передает чувства, владевшие душой Иванова на рубеже 1830-х гг.
- ⁴⁰ Там же, с. 75.
- ⁴¹ Письма, с. 23.
- ⁴² Письма, с. 25.
- ⁴³ Письма, с. 26.
- ⁴⁴ Могли ли российские корреспонденты Иванова-младшего писать ему с «полной доверенностью», будучи убеждены, что их письма читает не только он?
- ⁴⁵ Письма, с. 350.
- ⁴⁶ Письмо ок. 30 октября 1831 г. – ОР РГБ, ф. 111, к. 4, ед. 65, л. 1.
- ⁴⁷ Ссылка Нерадовского на фонд Иванова в РМ: № 2196, л. 76).
- ⁴⁸ Боткин, с. 40.
- ⁴⁹ А. В. Аскарянц насчитала в ОР ГБЛ до 15 черновых писем Иванова к Измайлову, относящихся к началу 1830-з гг. По меньшей мере одно есть в ОР ГТГ.
- ⁵⁰ Машковцев, с. 64.
- ⁵¹ Это мнение укрепилось и в научно-популярных текстах, например: Порудоминский В. И. Брюллов. – М., 1979 (серия ЖЗЛ).
- ⁵² Алпатов, т. 1, с. 21.
- ⁵³ Алпатов, т. 1, с. 65, 67. Правда, ниже Алпатов отмечает: «Но, видимо, сблизиться с Брюлловым Иванову было нелегко. Попытки через отца воздействовать на Брюллова как на бывшего ученика и уговорить его не отказывать в своих советах ни к чему не приводят. С досадой Иванов замечает в Брюллове непостоянство, вспыльчивость и своенравность. Ему претит его умение устраивать свои дела через посланника. Когда Иванову не удается получить разрешение на производство копий с росписи Рафаэля, ему чудятся в этом происки Брюллова... Поводов для разногласий, споров и ссор было достаточно. Однажды Иванов напал на архитектора Ефимова за то, что он пытался присвоить себе картины покойного Сильвестра Щедрина, но тот нашел поддержку у Брюллова. Другой раз Иванов вступился за Гофмана, картину которого Брюллов не допускал на выставку ввиду ее низкого качества, и снова между двумя художниками легла тень. Однажды Брюллов позволил себе обидное слово по поводу пенсионера Михаила Маркова, тот в отчаянии чуть не наложил на себя руки, его утешителем и защитником вы-

ступил Иванов. Наконец, когда архитектор Засен, которому Иванов одолжил деньги на обратный путь в Петербург, не вернул их назад, это стало поводом для новой обиды на Брюллова, поскольку Засен приходился ему родственником» (там же, с. 67–68). Все упомянутые имена мы встречаем в исследуемом письме Иванова, отголоски которого здесь явственны.

⁵⁴ Машковцев, с. 62.

⁵⁵ Торвальдсен, наряду с художником Камуччини, по официальному соглашению с русским правительством присматривал за нашими пенсионерами в качестве «общника» Петербургской Академии.

⁵⁶ Академик П. П. Соколов. Воспоминания. Под ред. Э. Голлербаха. — Л., 1930. — С. 70.

⁵⁷ Среди них были баснословно богатая и знатная графиня Юлия Самойлова, жена министра иностранных дел Мария Нессельроде (урожденная Гурьева) и др.

⁵⁸ Академик П. П. Соколов. Воспоминания. — С. 74, 77.

⁵⁹ Вместе с тем, характерное признание-самооценка встречается в воспоминаниях М. И. Железнова. В ответ на просьбу Анджело Титтони написать ему головку мадонны, Брюллов ответил: «Я просидел всю жизнь по горло в грязи, а ты говоришь мне: пиши идеал чистоты и непорочности. Я его не понимаю! Если тебе нужна кающаяся Магдалина, то я смогу написать ее» (Машковцев, с. 223).

⁶⁰ Зуммер В. М. Указ соч., л. 3.

⁶¹ Боткин, с. 41.

⁶² Расшифровка Нерадовского (ОР ГТГ, ф. 31, ед. 2491, л. 27) со ссылкой на шифр МП и РМ: № 2196, л. 82. Орфография источника сохранена.

⁶³ Об этом отказе Мария Иванова (в замужестве Ритмейстер, умерла в 1836 г.) вспоминала с гордостью, утверждая, что иначе Карл бы не смог уехать в Италию (как некогда не пустили ее отца из-за женитьбы на ее матери), а значит, не получил бы всеевропейскую известность (Машковцев, с. 28).

⁶⁴ Новицкий, с. 58. Вообще, особенно в начале 1830-х гг. Иванов в черновиках писем к Григоровичу и к неизвестным не упускает возможности «проехаться» по адресу Брюллова, приписывая ему в т. ч. «площадное слов(цо) Руских извощиков» (ОР ГТГ, ф. 51, ед. 2, л. 5).

⁶⁵ Это весьма резкое письмо с дословным повторением отдельных фраз и абзацев Иванов написал дважды: в июле и в декабре 1832 года, на обороте письма в ОПХ и отдельно, но, по-видимому, так и не посмел отправить (ОР РГБ, ф. 111, к. 4, ед. 4 и 19, л. 1 и 5).

⁶⁶ Боткин, с. 269. Отзыв Иванова, несомненно, пристрастен. Для сравнения — отзыв будущего героя Севастополя, капитана брига «Фемистокл» В. А. Корнилова в письме брату: «Весьма доволен Брюлловым, он оправдал мое доброе мнение о его добром, чистом характере» (Ацаркина, с. 148). На «Фемистокле» Брюллов плыл из Афин в Смирну (1834) и успел подружиться с капитаном.

⁶⁷ ОР ГТГ, ф. 31, ед. 2491, л. 41.

⁶⁸ Боткин, 96. Ср. прим. выше.

⁶⁹ Аскарянц А. В., Машковцев Н. Г. Цит. соч., с. 47.

⁷⁰ Независимый и решительный характер Брюллова ярко проявился сразу по окончании Академии, когда он так же отказался от пенсионера из-за того, что его требование о смене наставника не было удовлетворено. К тому же «на товарищеском обеде... по случаю окончания Академии Брюллов, провозгласив тост в честь своих профессоров, предал анафеме [президента АХ] Оленина» (Ацаркина, с. 38). Позднее он отослал обратно Обществу свой пенсионный вексель, отказался носить орден св. Владимира, пожалованный ему в 1829 году Николаем I, и т. д. Иванов никогда не позволил бы себе ничего подобного.

⁷¹ По моим представлениям, Брюллов счел бы ниже своего достоинства серьезно критиковать Иванова. Свидетельствует в своем дневнике Тарас Шевченко, близко знавший своего благодетеля: «Карл Павлович Брюллов никогда ни слова не говорил о картине Иванова, самого же Иванова в шутку называл немцем, то есть кропотуном. А кропанье, по словам великого Брюллова, верный признак бездарности». Ср. слова М. И. Железнова о Брюллове, который говорил: «Тот не художник, для кого исполнение составляет труд», «кропотность исполнения сообщает вялость даже самой мысли» (Виноградов, с. 209).

⁷² Как сказал хорошо знавший его Меликов: «Он был неумолим к бездарностям, которые считали себя великими художниками» (Машковцев, с. 167).

⁷³ Виноградов, с. 69. Ср. запись в тетради Иванова начала 1830-х гг.: «Брюлло гораздо охотнее, куражнее работает, когда всех унизит, уходит победителем в свою студию...» (Виноградов, с. 95).

- ⁷⁴ Записка без подписи и без даты, но показательно, что даже такой краткий текст Иванов считал нужным вначале набросать вчерне (ОР РГБ, ф. 111. к. 4, ед. 4, л. 4). В упоминавшемся выше неотправленном письме Брюллову он признавался: «Искусством Вашим или последней Вашей картиной Вы уверили свет что Русским назначено усовершенствовать все то, что изобрели Великие живописцы Италии».
- ⁷⁵ Письма, с. 153.
- ⁷⁶ Виноградов, с. 102. Поскольку Иванов (по матери Демерт) был, пожалуй, лишь немногим более «собственно русский», чем Брюллов, его кичение русскостью забавно.
- ⁷⁷ Весьма характерен подлинный дагерротип 1846 года, на котором художник предстает с лицом человека, много, но тщетно думающего о смысле жизни и смерти.
- ⁷⁸ Надо заметить при этом, что сам Иванов не спешил последовать своей максиме и вовсе не путешествовал по России, как должно бы русскому художнику, по его собственным уверениям. На родину он вернется лишь спустя 27 лет после отъезда и притом именно в Петербург. А его младший брат, воодушевленный примером старшего, так и остался в Риме навсегда.
- ⁷⁹ Боткин, с. 287.
- ⁸⁰ Главнейшей из книг, оказавших столь соблазнительное влияние на Иванова, был запрещенный Ватиканом труд Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», тщательно им изучавшийся. По этому поводу И. С. Тургенев запомнил курьезное: Иванов «сообщил нам любопытные подробности о своей поездке в Германию к одному известному ученому [Штраусу], воззрение которого совпало с тем, что он, Иванов, хотел выразить в своей картине. Он намеревался пригласить этого ученого в Рим для того, чтобы тот решил, точно ли соответствует картина вышеуказанному воззрению» (Виноградов, с. 410).
- ⁸¹ В 1833 году, задумывая свой гигантский холст, Иванов поначалу надеялся, что московское купечество выкупит его для затеваемого Храма Христа Спасителя, чтобы разместить напротив иконостаса. Привезя в 1858 году картину в Петербург, он мечтал получить за нее с государя 30 тыс. рублей, и одновременно за эту же цену надеялся продать ее миллионеру Кокореву, о чем писал брату в Рим: такая была его оценка. Но двор предлагал ему поначалу 10–12 тыс., а в итоге дал конечную цену в половину чаемой: 15 тыс. рублей. Справедливость требует заметить, что за 25 лет воплощения своего замысла Иванов успел получить под этим предлогом от разных благодетелей, включая ОПХ, наследника цесаревича, императрицу и самого императора, не менее 9000 руб. ассигнациями, 1000 червонцев, 1500 руб. серебром и 6000 франков.
- ⁸² Виноградов, с. 19.
- ⁸³ Непрестанно ревнуя к Брюллову, Иванов пытался в 1840-е годы дать и свою версию «Вирсавии», но не пошел дальше акварельного наброска.
- ⁸⁴ Алпатов, т. 1, с. 65. Бруни, которого художник рекомендует в письме как «человека доброго», «посмотрел на меня довольно странно», — пишет Иванов в мае 1858 г. по возвращении в Петербург (Боткин, с. 325). Возможно, Иванов не ошибся, и на самом деле «Бруни и др. члены Академии прикрылись именем весьма мало известного и плохого литератора» (Боткин, с. 349–350), инспирировав разгромно-ядовитую статью некоего К. Толбина в «Сыне Отечества» о труде всей жизни Иванова. После которой художник впал в ужасное моральное состояние, предшествовавшее смерти. Так жестоко отплатил Бруни за давнюю критику?
- ⁸⁵ Всего от первых набросков до финала работа заняла около пяти лет, но главный труд был завершен быстро, доводя художника порой до изнеможения и обморока, так что ученики выносили его из мастерской на руках.
- ⁸⁶ Ср. Алпатов: «Первоначально в картине Иванова лейтмотивом должен был звучать призыв Иоанна к покаянию, молитве и крещению» (т. 1, с. 377). В советском искусствоведении встречались попытки выискать в картине Иванова чуть ли не социалистическую или, на худой конец, демократическую идею, но вряд ли можно всерьез рассматривать такую гипотезу.
- ⁸⁷ Эта ошибка Иванова — наследие академической школы с ее акцентом на наивно-иллюстративный историзм — оказалась преодолена уже Крамским, а там и символистами. Стоит отметить, что родной отец отговаривал его, справедливо укаывая на главную сложность: «Избранный тобою сюжет неудобноисполнителен по ограниченности живописи: смысл всего Евангелия — предмет довольно важный, но как ты оный изобразишь?». Как в воду глядел! Иванов-сын не нашел ответа на этот вопрос. Однако, когда в 1842 году архитектор Константин Тон, главный планировщик Храма Христа Спасителя, запросил у Иванова точные размеры полотна, Иванов уже и сам осознал, что создал не религиозную картину, т. к. ее предмет «трактван совершенно исторически, а не церковно», о чем честно написал

Тону в 1843 г., отказавшись от размещения «Мессии» в храме (Виноградов, с. 6).

⁸⁸ Об этом рассказано в письме Иванова-отца от 6 марта 1846 г.

⁸⁹ Алпатов, т. 2, с. 116.

⁹⁰ ОР РГБ, ф. 111, к. 1, ед. 6, л. 81.

⁹¹ Письма, с. 101.

⁹² Характерно самонаблюдение Иванова в связи с посещением его мастерской государем императором: «Эта минута моя была самая высокая в моей земной жизни, я внутренне укрепился молитвой, и вот — царь. Он раскрыл во мне чувство моей собственной значимости, которое меня так сильно занимает. Не считите это за гордость и тщеславие...» — писал он Шевыреву.

⁹³ Крайне характерна отповедь Иванова Гоголю: «Одно мне позвольте возразить против следующих слов вашей статьи: “Иванов ведет жизнь истинно монашескую”. И очень бы не отказался иметь женой монахиню — женщину, занятую преследованием собственных своих пороков» (Боткин, с. 247). Весьма своеобразное отношение к идее брака... Недаром когда-то он писал ближайшему другу Измайлову: «Отдаляю от себя узы супружества... я предчувствую, что мне не добратся до берега» (Виноградов, с. 144).

⁹⁴ Алпатов, т. 1, с. 60.

⁹⁵ Боткин, с. 414. Ср. воспоминания П. М. Ковалевского: «Тут я увидел Иванова... все тем же сосредоточенным, съездившимся ипохондриком, боязливо встречавшим прохожих на пороге и провожавшим их без всякой надобности до самой лестницы» (Боткин, с. 403).

⁹⁶ Кроме «Явления Христа Марии Магдалине после воскресения» (1835) Иванов не отправил на родину ни одной картины за весь непомерный срок своего пребывания в Италии. Если не считать милых, но неоконченных акварелей, неофициально переданных особам царствующего дома.

⁹⁷ Иванов поместил его изображение в недрах толпы, на заднем плане, в виде отчаявшегося грешника.

⁹⁸ Виноградов, с. 67.

⁹⁹ Вариант от 29 декабря 1832 г. — ОР РГБ, ф. 111, к. 4, ед. 19, л. 5.

¹⁰⁰ Расшифровка Нерадовского, папка «Письма к разным лицам 1832–1858» (ОР ГТГ, ф. 31, ед. 2487, л. 34), со ссылкой на шифр РМ № 2196, л. 31.

¹⁰¹ Боткин, с. 86.

¹⁰² Виноградов, с. 195.

¹⁰³ Боткин, с. 196.

¹⁰⁴ Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. — Л., 1971. — С. 168.

¹⁰⁵ Боткин, с. 276.

¹⁰⁶ Боткин, с. 405.

¹⁰⁷ Свидетельствует Н. Г. Чернышевский: «Иванов был несколько лет в настроении духа, подобном тому, жертвою которого сделался Гоголь, оставивший памятник своего заблуждения в “Переписке с друзьями”. Но, к счастью, Иванов прожил несколько долее Гоголя, и у него достало времени, чтобы увидеть свою ошибку, отказаться от нее и сделаться новым человеком».

¹⁰⁸ «Картина далеко не окончена. Однакож, я ее укладываю и посылаю в Петербург», — писал он по данному поводу (Боткин, с. 298).

¹⁰⁹ Алпатов, т. 2, с. 221.

¹¹⁰ Отец однажды написал сыну так: «Уверь меня, что ты непременно имеешь намерение возвратиться на родину, в отечество. Должно любить его, должно служить в рядах его, несмотря на неприятности».

¹¹¹ Ср. И. С. Тургенев: «Картина его уже была в Петербурге и начинала возбуждать невыгодные толки» (Боткин, с. 413).

¹¹² Боткин, с. XXIX–XXX.

¹¹³ Цит. по: Анисов, с. 338. Автор указывает, что в среде художников долго считалось, что Иванов покончил с собой, а версию холеры пустил-де в публику Боткин, присвоивший себе его лучшие этюды.